

КРОВОПРОЛИТИЕ

Ликвидация опричнины и объединение двора и приказов требовали большой и сложной организационной работы и обсуждений. Работа эта пала в основном на плечи земской думы. Наибольшие сложности были связаны с поземельными делами, запутанными опричными конфискациями.

На пороге опричнины вышло Уложение о княжеских вотчинах, запрещающее продавать, менять родовые наследственные земли. 9 октября 1572 г. по государеву приказу дума и высшее духовенство постановили, что Уложение 1562 г. полностью сохраняет свою силу: «Быти по старому государеву Уложению».

Однако во время обсуждения в думе бояре поставили вопрос о всех вотчинах вообще, а не только княжеских: «А у которых вотчин вотчинники вымрут, и те вотчины вотчинником отдавати ли и по которое колено, и о том приговорили...» Старый закон четко определял, что выморочные княжеские вотчины переходят в казну и даже родной брат не может наследовать выморочный «жеребей» без царского разрешения. В 1572 г. бояре приговорили отдавать вотчины родным братьям умершего без уточнения, распространяется ли закон на княжеские вотчины.

В 1562 г. в Уложении фигурировали имена Воротынских, Одоевских. В законе 1572 г. они не были названы. Для Михаила Воротынского вопрос о выморочных «жеребьях» братьев был самым болезненным.

Действие закона 1572 г. распространялось на владения князей Ярославских и Ростовских и на все такие же вотчины княженецкие, про которые «один приговор». Новое Уложение, казалось бы, должно было определить, какие вотчины, конфискованные по указу о казанской ссылке, подлежат возврату их законным владельцам, каковы нормы компенсации за утраченные земли. Однако закон составлен так, будто никакой ссылки князей не было и в помине. Грозный явно желал предать забвению опричные конфискации.

О катастрофе напоминал лишь один пункт Уложения, запрещавший вотчинникам жертвовать земли монастырям. Опальные князья, получившие по амнистии свои разоренные вотчины, не были уверены в своем будущем, и многие из них передавали земли в монастыри. Такие вклады были объявлены незаконными. Уложение предписывало не записывать пожертвованную вотчину в Поместном приказе, а «отдавати ее

роду и племяни служилым людем, чтоб в службе убытка не было и земля б из службы не выходила».

Главным вопросом оставался все же вопрос о власти. Опричина не упразднила Боярской думы, хотя ее учреждение сопровождалось переворотом. Дума лишилась функций высшего органа государства.

Отмена опричины означала ликвидацию чрезвычайных полномочий царя и, следовательно, возвращение Боярской думе прав, которыми она пользовалась на протяжении столетия. Именно так понимали ситуацию земская дума и земское дворянство. Но Грозный придерживался иной точки зрения.

Накануне опричины Иван взялся за исправление старых летописей. Он преследовал цель обличить не только отдельных бояр, но и всю Боярскую думу, средоточие «заговоров» и «мятежей». Годы борьбы с изменой подкрепили уверенность самодержца в справедливости такой оценки. Он вовсе не намерен был возрождать права думы в прежнем объеме.

Территория опричины слилась с земщиной. «Государство в государстве» перестало существовать. Но царь не желал остаться без преторианской гвардии — охранного корпуса. В результате чистки опричного войска его численность сократилась во много раз, после чего оно было реорганизовано и превратилось в новый охранный корпус с названием «двор».

Отмена опричины породила уверенность в том, что отныне кровавым репрессиям пришел конец. Но надежды не оправдались. Летом 1573 г. Грозный приказал казнить трех главных воевод.

Россия ждала нового нападения татар. С весны полки заняли позиции в Серпухове на Оке. Главнокомандующим царь назначил Воротынского. Его помощником в большом полку должен был стать боярин Михаил Морозов. Воевода Одоевский возглавил полк правой руки.

Трое воевод вышли на береговую службу, а затем все трое были казнены за какую-то, несомненно, служебную провинность (С.Б. Веселовский). Так ли это? Морозов был ранен в Ливонии и на южную границу не мог прибыть. «Михайлы Мо-

розова на той службе не было, — записали дьяки Разрядного приказа, — только в разряде написан: того же лета он казнен».

Если бы Малюта Скуратов не погиб, новое «дело» непременно приписали бы его злой воле. Виновником кровопролития был, конечно же, царь. Поводом к расправе послужил крымский розыск, начатый в 1570-м и не законченный к 1574 г. В январе 1574 г. на Пыточном дворе холопы князя Ивана Мстиславского показали, что «по зиме» перед вторым нашепствием татар летом 1572 г. бояре Мстиславский, Воротынский и братья Шереметевы присылали к хану грамоту, чтобы ему «идти на твои (Грозного. — *Р.С.*) государевы украины поранее к Москве для того, что люди твои государевы не собрались, а царю бы в ту пору придти». Холоп даже назвал имена мурз, от которых слышал об измене Воротынского.

Надо различать поводы и подлинные причины казни воевод. Ко времени отмены опричнины старое руководство земской думы в лице Мстиславского скомпрометировало себя. Царь, бежавший от татар, вынужден был вернуть князю Михаилу Воротынскому высший титул слуги и боярина после битвы на Молодях. Победа прославила Воротынского и сделала его самым авторитетным из руководителей земской думы. Но трехлетняя ссылка на Белоозеро не прошла для вельможи бесследно. Его княжество было разорено, удельная армия распущена, казна конфискована. После освобождения из тюрьмы князь не мог расплатиться со старыми долгами и уповал на милость царя. Государь действительно ссудил Воротынскому деньги, приказав ему построить крепость в Новосили. Этот городок был разрушен в давние времена. Князь Михаил получил титул державца Новосильского. Но титул не поправил его материальных дел. Городок надо было еще заселить, а денег на это у него не было. пожалование Новосили, возможно, связано было с тем, что царь старался уладить дело с выморочными «жеребьями» Воротынского княжества. В Воротынске князю Михаилу принадлежала треть еще до первой опалы. В другом городке Воротынских, Перемышле, две трети перешли в опричнину, а треть оставалась в земщине.

Никита Одоевский был служилым князем и однородцем Воротынских. Этот князь владел крупными родовыми вотчинами на Северщине. Он был принят в опричнину и занимал видное положение в опричной думе.

Михаил Морозов был одним из старейших членов Боярской думы и последним членом так называемой Избранной рады. Все прочие сошли со сцены. Венцом карьеры боярина был пост главы боярской комиссии, ведавшей царствующим городом Москвой в отсутствие царя. В 1565 г. этот пост занимал конюший Федоров, в 1570-м — Михаил Морозов. Его помощником был боярин и дворецкий Никита Романов.

Грозный стоял перед выбором. Земщина требовала полной ликвидации опричного войска, прекращения репрессий и возврата к правопорядку, существовавшему до опричнины или, точнее, до первых беззаконий начала 1560-х годов. Самодержец мог подчиниться общему настроению и восстановить полноправную Боярскую думу. Вместо этого он казнил трех самых авторитетных вождей думы, показав тем самым, что возврата к прошлому нет. Срок исключительных полномочий царя истек с отменой опричнины. Но он доказал всем, что не намерен отказываться от неограниченной личной власти, которой добился в опричнине.

По словам Курбского, на Воротынского подал донос его беглый холоп, вдобавок обокравший господина. Князь Михаил был обвинен будто бы в том, что пытался околдовать («счаровать») царя и добывал на него «баб шепчущих». Как всегда, самодержца более всего волновало все, что касалось его личной безопасности. Он готов был простить любые изменнические сношения бояр с татарами или поляками. Но малейшие подозрения насчет покушения на его жизнь приводили его в неописуемую ярость.

В 1565–1573 гг. монарх по крайней мере трижды подвергал Боярскую думу подлинному разгрому.

Грозный сам руководил розыском об измене Воротынского. Он велел жечь его на медленном огне, положив на землю между двумя горящими бревнами. По временам он жезлом под-

гребал поближе к несчастному горящие уголья. Иван не решился казнить воеводу и распорядился вторично сослать его на Белоозеро. Однако старый боярин, измученный пыткой, не доехал до Белоозера и умер в пути.

Курбский подробно описал смерть на пытках вельмож Воротынского, Патрикеева-Щенятева, предки которых выехали на Русь из Литвы. Он как бы предупреждал литовскую знать, что ее ждет, если на польский трон будет избран царь Иван. Несколько иную версию излагали Разрядные книги. Воротынский был взят с Оки и казнен вместе с двумя другими воеводами. Следует ли придавать значение видимому противоречию двух свидетельств — трудно сказать. Надо иметь в виду, что в книги Разрядного приказа сведения о пытках попасть не могли. Приказные кратко и вполне трафаретно отмечали случаи ранения воевод или их смерти.